

АЛЕКСАНДР АБДУЛОВ: «С ИДИОТАМИ У МЕНЯ ПЛОХО СКЛАДЫВАЮТСЯ ОТНОШЕНИЯ»

ИСПОВЕДЬ ПОПУЛЯРНОГО АКТЕРА И РЕЖИССЕРА

Александр Абдулов — звезда, горящая вот уже двадцать лет. Запах кулис познал еще в детстве в городе Фергане, где служил главным режиссером его отец. В первый раз на сцену Саша вышел в возрасте пяти лет, но те свои детские ощущения, как и те, что были позже, в возрасте 15 лет, считает бессознательными.

Март — 1999 — 14 июля
— с. 1/3

Александр Абдулов: «С ИДИОТАМИ У МЕНЯ ПЛОХО СКЛАДЫВАЮТСЯ ОТНОШЕНИЯ»

Окончание. Начало на стр. 1

Сейчас Александр Абдулов начинает сниматься с Ириной Алферовой в продолжении фильма «С любимыми не расставайтесь», чему очень рад, так как сценарий, по его словам, — совершенно замечательная история. Помимо этого Александр заканчивает съемки у Эльдара Рязанова в картине «Тихий омут» и сам режиссирует картину «Бременские музыканты».

— Саша, в последнее время ваши отношения с журналистами складываются неудачно...

— Почему неудачно?

— Ну были же у вас скандалы...

— С идиотами у меня плохо складываются отношения. Сейчас время высокооплачиваемой бездарности поэтому появилось огромное количество бездарных журналистов, которые пишут такую чушь, что порой читаешь и удивляешься, в каком бреде это могло придуматься. А с нормальными журналистами у меня нормальные отношения.

— А где вы берете время и силы на всю вашу бурную деятельность? Почему вы за все это беретесь? И что дает больший кайф?

— Наверное, кайф дает все вместе, ощущение полноты жизни. Когда ты чувствуешь жизнь не каким-то маленьким боком, а более объемно, с разных сторон. Именно такая жизнь для меня интереснее всего.

— Вы не устаете от такого количества дел, должностей, да просто огромного общения?

— Ну, конечно, устаю. Но это приятная усталость. Я хочу этого, я стремлюсь к этому. Так что мне некого винить в этом.

— Какая из этих ипостасей приносит материальное удовлетворение и важна ли эта сторона для вас?

— Это, конечно, важно, потому что хочется нормально жить. Если мозги не связаны мыслью, где заработать деньги, жить намного проще.

— Значит вы не считаете, что творческий человек должен быть голодным?

— Это глупость. Это, как анекдот: «Знаете, что такое любовь? Это большевики придумали, чтобы женщинам денег не платить». Это из той же серии. Но при этом я и снимался, и концерты давал бесплатно, да много чего делал.

— А вы можете пойти на компромисс, снимаясь у плохого режиссера?

— Это моя профессия. Если попадается плохая доска, значит, мне нужно ее хорошо обстругать и попробовать сделать из нее хорошую. Ну а что делать? Хороших режиссеров единицы. Так можно всю жизнь ждать, когда тебя будет снимать Никита Михалков, и не дожидаться. И что? Жизнь прошла. Я считаю, нужно работать... От актера много зависит, особенно, когда режиссер плохой.

— Как вы относитесь к кинопробам?

— Ненавижу. Сейчас не пробуюсь. Пробы дают мне ощущение, что тебя пробуют, как на соль. Я понимаю, что пробы нужны для того, чтобы найти портретный грим. Но бывает, когда по сто человек пробуются. Например, когда пробуют одновременно тебя и Вицина, то это идет от незнания режиссера, чего он хочет этот режиссер. Правильно кто-то из режиссеров сказал: «Я себя пробую, а не актер». С этой точки зрения, может быть, он прав.

— Саша, для вас реакция зала в театре важна или вы можете играть в захлеб, не обращая внимание?

— Конечно. Это самое важное. Именно поэтому для меня, да, наверное, и для всех артистов, самым страшным всегда были, так называемые, целевые спектакли. Ужасно играть для солдат. Не потому, что они плохие зрители, а потому, что им говорят не реагировать, чтобы артистам не мешать. Не менее ужасны шефские спектакли, когда люди пришли на халяву посмотреть. Контакт с залом, его дыхание необходимо. Если ты не получаешь из зала ничего — это как дурной сон. Можно повернуть зал, заставить его задыхаться, но это очень тяжело. Но, наверное, ради этого мы и работаем.

— Марк Анатольевич Захаров часто смотрит старые спектакли?

— Нет, редко.

— А в этих редких случаях вы по-другому играете, волнуетесь?

— Естественно, волнуюсь. Все-таки папа приходит.

— Вы его до сих пор ощущаете как второго папу?

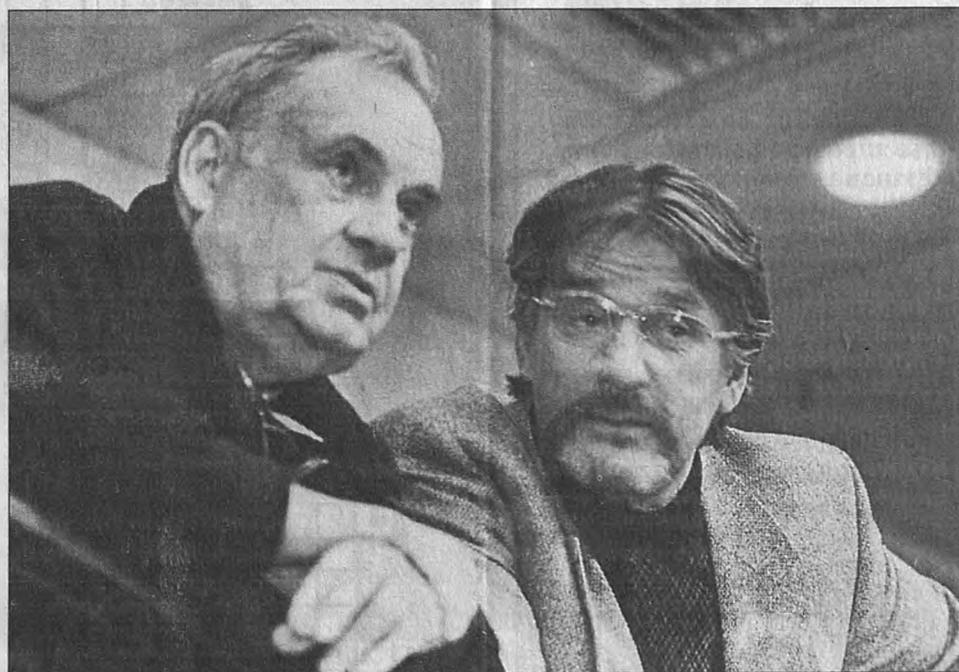
— Ну, конечно. Никуда не денешься.

— То есть у вас сейчас отношения не на равных?

— Нет. На равных — это было бы неправильно. Не может быть на равных, понимаете? В театре должен быть лидер, который должен вести за собой театр, актеров. Надо, чтобы был человек, которому можно было бы доверять и подчиняться. Но только, когда человек стоит того. А я считаю, Захаров — режиссер, оставшийся из могокан. Ну, кто кроме него остался? Петр Фоменко — замечательный режиссер, но другого плана, как Эфрос, который был удивительным режиссером, но он никогда не был главным режиссером, никогда. Это другая специфика, совсем другая профессия. А Захаров — именно главный режиссер. Таким был Товстоногов, в прошлые годы ими были работающие сейчас Любимов и Гончаров.

— А как вы реагируете на то, что «Ленком» обвиняют в некой поповости?

— Это хорошо, это, как бомба в «Доме, который построил Свифт», помните там такую фразу: «Художник, который перестал раздражать, умер». Мы раздражаем, это замечательно. Значит, мы нужны, значит, нами интересуются. «Ленком» почти за все свои последние спектакли получает профессио-

нальные призы. Мне, например, дети из «Акул пера» орали, что у меня падает популярность, а я в этом году получил все призы. Они воспитаны на «Зайка моя», поэтому с ними тяжело.

— Саш, сколько лет после «Школы для эмигрантов» до «Варвара и Еретика» у вас не было ролей?

— Пять.

— Это для актера большой срок?

— О-очень.

— И ни на минуту не появлялась мысль уйти из «Ленкома»?

— Уйти нет, но на стороне что-то сыграть появлялась. Я даже начинал релетировать с Камой Гинкасом, замечательным режиссером, был проект с Некрошусом «Король Лир». Все это осталось.

— Без ложной скромности, вы можете сыграть все?

— Это, конечно, красивые слова. Но, в общем, артист при хорошем режиссере, хорошем авторе, хорошем художнике, наверное, может сыграть все.

— Как вы думаете, Марк Анатольевич, сыграть вы на стороне, не ревновал бы?

— Я, думаю, что он ревнует.

— А вас не пытались переманивать за эти годы?

— Нет. Понимают, что это бесполезно делать.

— Вы азартный человек? Или все уходит в творчество?

— Я играю в казино.

— И какое удовольствие вы получаете от этой игры? Помогало ли это в «Варваре и еретике», который поставлен по «Игроку» Достоевского?

— Это нельзя сказать в двух словах. Люди на это жизнь клали. Тем, кто не играет, этого не понять. Что касается «Варвара...». Ну конечно, когда ты владеешь предметом, процессом и понимаешь, что чувствует при этом твой герой...

— Вас связывали особые отношения с Татьяной Ивановной Пельцер...

— Ну, что значит, особые отношения? Я обожаю ее. Она великая актриса. И она ко мне хорошо относилась. На «Поминальной молитве» мы особенно сблизились. Она была очень сложным человеком. Она не была такой доброй бабушкой. Она была актрисой, одержимой сценой. «Актриса от кончика волос» — это о ней. Играть с ней было очень легко. Говорят, что партнер никогда не виноват. Тем не менее партнер иногда может сыграть очень большую роль.

— А вы, в первую очередь, актер?

— Да, конечно.

— А сама жизнь для вас не менее важна, чем актерство?

— Это все вместе. Я такую жизнь себе сам придумал. И она состоит из миллиона осколков. Я хочу собрать это зеркало или эту мозаику. И собираю. Если успею собрать, соберу.

Марина СВЕТЛОВА